

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТВЕРСКИХ ЖИТЕЛЕЙ БЛИНОВЫХ О ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Н.В. Серeda

Изучая исторический опыт конструирования прошлого и методологические основания этого процесса, учёные отмечают важность исследования процесса формирования и развития представлений о времени и пространстве¹. Историки накопили достаточно большой запас знаний о развитии этих параметров исторических исследований, о темпоральных представлениях отдельных этносов и национальностей, некоторых социальных групп населения. Но большая часть исследований такого рода либо имеет отношение к архаическим структурам², либо, напротив, отражает сведения о представлениях такого рода в среде элитных групп населения Нового и Новейшего времени. В историографии проблемы есть труды, освещающие темпоральные представления категорий населения, имеющих достаточно высокий социальный, образовательный и культурный статус³.

Нашей задачей является рассмотрение представлений о времени и пространстве жителей Твери Блиновых, которые не относились к верхушке городского общества. Начиная с середины XVIII в. они пребывали примерно в середине городской социальной лестницы. Некоторые представители этого рода явно испытывали склонность к конструированию прошлого, но при этом не имели связей и знакомств, которые были у Д.И. Карманова – человека известного в качестве первого тверского историка⁴. На протяжении столетия Блиновы вели записи городских и семейных событий, некоторые из которых практически дословно совпадают со сведениями сочинений Д. Карманова⁵ и позднее вошли в сочинение В. Колосова⁶.

Дневник купцов Блиновых – сложный по своей структуре исторический источник, который лишь весьма условно, следуя опубликованным справочникам,

¹ См.: например: *Зиммель Г.* Проблема исторического времени // *Зиммель Г.* Избранное: В 2 т. / Пер. с нем. – М., 1996; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. – М., 1997; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: Теория и история: В 2 т. – СПб., 2003. – Т. 1: Конструирование прошлого.

² См., например: *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность / Пер. с англ. – М., 1975; *Гене Б.* История и историческая культура Средневекового Запада / Пер. с фр. – М., 2002.

³ См., например: *Иванов В.В.* Категория времени в искусстве и культуре XX века // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л. 1974. – С. 39–67; *Любина Т.И., Смирнов С.Н.* Особенности темпоральных представлений и система ценностей провинциального купечества // *Любина Т.И., Смирнов С.Н.* Чиновничество в системе местного управления Тверской губернии в конце XIX – начале XX века: Правовой статус и социокультурная характеристика. – М., 2008. – С. 160–238.

⁴ *Серeda В.* У истоков тверского краеведения // *Тверская старина.* – 1994. – № 1–2. – С. 57–88; *Он же.* «Обитатель предместья»: провинциальный историк в жизни и литературе // *Экономика, управление, демография городов Европейской России XV–XVIII вв.* – Тверь, 1999. – С. 141–151.

⁵ *Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края.* Тверь, б.г. Репринт с издания 1893 г.

⁶ *Колосов В.И.* Прошлое и настоящее г. Твери. – Тверь, 1994.

можно называть дневником⁷. В нём отчётливо выделяются несколько частей, различных по функциональному назначению, по манере ведения записей, по объектам внимания и приёмам их описания, по представлениям авторов о времени и окружающем пространстве и другим параметрам. При первом знакомстве с текстом практически невозможно понять композицию памятника. Её сложность объясняется, во-первых, пространственными хронологическими рамками повествования, охватывающего период примерно с 1762 г. до конца XIX в., и, во-вторых, тем обстоятельством, что оно не только отражает жизнь нескольких поколений рода, но и является продуктом их коллективного творчества, в ходе которого замысел начинателя претерпел существенные изменения⁸.

Первоначальная концепция ведения дневника, заложенная человеком, которого не удалось отождествить ни с кем из рода Блиновых, чётко прослеживается при изучении записей, сделанных на первом этапе его создания. Согласно ей, летопись должна была состоять из трех частей: в первую предполагалось заносить события из жизни семьи, города, царствующей династии, страны в целом по мере того, как они происходили. Последние листы (с л. 150 по архивной нумерации) предполагались для разного рода сведений, почерпнутых из литературы⁹, этот раздел условно можно обозначить как «разное на память». Инициатор семейной летописи планировал выделение ещё одной смысловой части, которую условно можно назвать «философско-исторической» (с л. 115 об.). К сожалению, она содержит лишь одну запись – о системах счёта времени. Факт её одиночества наводит на мысль, что зачинатель летописи был человеком не просто образованным, а склонным к философским размышлениям, а его потомки не обладали такими склонностями, но имели уважение к планам предка: они не осквернили святое для него место записями о житейских проблемах серых будней, когда в середине XIX в. встала проблема свободного места в первой части книги, а вшили в неё новые листы¹⁰.

Основу сохранившегося до нашего времени текста составляют листы, написанные скорее всего по заказу семьи кем-то из местных грамотных людей, для которых процесс письма был способом добывания средств к существованию. Они исписаны четким, ровным почерком, с одинаковым расстоянием между буквами и строчками, выдержанным промежутком между записями. Складывается впечатление, что эта часть текста написана «в один присест»: одним пером и одними и теми же чернилами¹¹. Для данного почерка характерно архаичное написание целого ряда букв: буквы «я» как «а» с завитушкой вверху слева, «ж» в виде восьмёрки, лежащей на вогнутой подставке, «и восьмеричного» в одних случаях как английского «аш», в других – как буквы «к» в зеркальном отражении. Архаичность почерка выражается также в активном употреблении «омеги», переходящей в выносную над строкой «т», а также букв «кси», «и десятиричное», «ер» и «ерь». Последняя часто используется в значении «е», например, в слове «перед» автор в

⁷ Голубев И. Ф. Коллекция рукописей. Краткий обзор. – Калинин, 1960. – С. 34.

⁸ Государственный архив Тверской области. – Ф.1409. – Оп. 1. – Д. 1137.

⁹ Они содержат сведения об истории, лечебных растениях, мудрые изречения, свидетельствуют о знакомстве кого-то из Блиновых с основами самых разных наук и, возможно, с греческим и латинским языками.

¹⁰ Ссылки на листы рукописи даются в тексте статьи в круглых скобках, в соответствии с современной архивной нумерацией.

¹¹ Однако в нём есть две позднейшие приписки, отличающиеся от основного текста цветом чернил, почерком.

первом случае написал «е», а во втором – «ерь». «Ерь» часто употребляется между двумя гласными, например, в словах «долга», «згорела», «турка». Титла над арабскими цифрами, обозначающими год, выписано легко и элегантно, верхние левые концы слегка приподняты и закручены влево, образуя маленькую петлю. Слово «месяца» во всех случаях написано под титлом тремя буквами «мца». Этим почерком написаны лл. 1–4 и половина л. 4 об., лл. 115 об.–116, лл. 151–155.

В основе записей на лл. 1–4 явно лежат черновые заметки, сделанные кем-то ранее, возможно, Карпом Блиновым – отцом Иова Блинова, который является основным автором текста. В пользу предположения о наличии предварительных записей свидетельствуют уже первые два листа дневника. Начав изложение с описания пожара в Твери 1763 г., писец касается этой трагической темы дважды: на л. 1 и на л. 2. При этом текст на л. 1, который включал также упоминания о пожарах в Торжке и Нижнем Новгороде, перечеркнут. На л. 2 описание тверского пожара дано более пространно, кроме того, он датирован уже не 28 мая 1762 г., как на л. 1, а 19 мая 1763 г. Скорее всего при первом прочтении черновых записей писец неверно понял их содержание, осознав это, он перечеркнул первую страницу текста. Согласно перечеркнутой записи получалось, что спаслись от пожара 30 человек, находившиеся в церкви, согласно описанию на л. 2 именно они сгорели¹². Вполне вероятно, что и перемена датировки была вызвана черновым характером предварительных заметок, в которых составитель дошедшего текста не вполне разобрался; видимо, именно по этой же причине им оказалась пропущенной запись о пожаре в торговых рядах, вписанная позднее и другим почерком¹³.

На л. 2, в отличие от л. 1, составитель отказался от упоминания пожаров в других городах, возможно потому, что хотел уместить описание тверского на одной странице. Впрочем, причина могла быть другой: в распоряжении составителя не было никаких деталей о пожарах в других городах, и на фоне подробного освещения тверского скудость сведений о них становилась особенно заметной.

На лл. 1–4 составитель текста сделал попытку, впрочем не вполне удачную, расположить факты по темам, а внутри по хронологии. Лл. 1 и 2, как уже было сказано, сообщают о пожарах, на л. 1 об. также зафиксировано свидетельство о пожаре, произошедшем в 1762 г. в торговых рядах Твери, оно явно вписано позднее, другими чернилами и другим почерком и оказалось после перечёркнутых на л. 1 сведений о пожарах в Твери, а также в Торжке и в Нижнем Новгороде в 1778 г. Упоминание о последних вызывает сомнение, скорее всего составитель и здесь допустил ошибку при переписывании. Анализируемый памятник приобрёл черты дневника не позднее 1774 г., а значит, запись о пожаре 1778 г. не могла стать одной из первых, между тем она внесена именно в числе первых, в отличие от записи о пожаре в торговых рядах.

На обороте л. 2 помещены записи за 1768–1771 гг., в которых повествуется о начале войны с Турцией, об аномальном природном явлении – громе в сентябре 1768 г. и о «моровом поветрии» в 1770 и 1771 гг.

Лист 3 полностью занят описанием погоды и поведением реки Волги на протяжении 1770–1772 гг.; оборот листа – строителству и росписи церковных зданий в 1772–1773 г. На л. 4–4 об. по преимуществу содержатся сведения о пожарах.

¹² Точность сведений второго листа подтверждается сообщениями Д. Карманова См.: *Карманов Д.И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края.* – Тверь, 1893. – С. 105. В 1990-е гг. этот труд был переиздан в Твери под старым названием, но со старыми выходными данными на обложке.

¹³ Она вписана рукой Иова – автора основной части текста.

Как видим, составитель этой части дневника располагает события на оси времени и пытается составить из них некие комбинации предметно-тематического плана: погода, болезни, пожары, церковное строительство. Уже сама по себе хронологическая упорядоченность событий рассматривается исследователями в области теории истории как первый шаг в конструировании картины прошлого. Их классификация не только по времени, но и по каким-либо содержательным параметрам является свидетельством определённого уровня знаний в области истории и методов конструирования прошлого¹⁴.

Интересно, что при этом автором ни разу не упомянуты события частной жизни. Составителем явно была проведена работа по осмыслению критериев отбора фактов, в результате которой он решил отказаться от включения в текст дневника тех из них, которые не освещали деталей происшедших событий или касались других, помимо Твери, городов. Считая необходимым запечатлеть события, важные для страны в целом (война с Турцией), он перечеркнул сведения о пожарах в Торжке и Нижнем Новгороде и уже не возвращался к ним.

В основе сведений первых четырёх листов лежат не только рукописные черновые записи неизвестного лица, но и печатные источники официального происхождения, а также устно передаваемая информация. Возможно, сведения о русско-турецкой войне были почерпнуты из газет или победных реляций, однако за содержанием записи видна большая работа по интерпретации материала. Она датирована 1768 г., но очевидно, что написана гораздо позднее, когда русско-турецкая война уже близилась к завершению. «В 1768 году турка поднялся. Воровски разыдента нашива посадил пот караул. С Польшею заодно. Однако Польшу смирили скоро», – сообщает дневник. Глубина осмысления происходящего поразительна, она обнаруживает незаурядный ум автора, его знакомство с прессой того времени, возможно, является результатом общения с компетентными людьми. Большую осведомлённость показывают записи об эпидемии 1770–1771 гг.: названы города, где чума получила наибольшее распространение.

Изложение содержит и другие элементы осмысления и интерпретации материала. Они выражаются в попытке автора установить очерёдность событий в рамках той или иной темы, коротко и ёмко отразить информацию о событиях длительных и сложных, состоящих, в свою очередь, из мелких эпизодов. При описании войны с Турцией автор ведёт изложение от прошлого к настоящему, т. е. он описывает событие по хронологии его развития. И весь комплекс записей на л. 1–4, если не принимать в расчёт позднейших приписок, тоже предстаёт перед нами как повествование от прошлого к настоящему.

Совершенно иная хронологическая система видна в тексте на лл. 115 об.–116. Он написан тем же почерком профессионала и передаёт сведения о различных системах летоисчисления, но при этом нить изложения идёт в обратном направлении от настоящего к прошлому.

«Во имя Иисусова числится сей год от Рожества Христова 1711, от Сотворения мира – 7219, от Ноева потопа – 4977, от разарения Содома и Гоморра – 3794, от зачати 4 монархии, а именно:

Вавилонския – 2413,
Перьсицкия – 2219,
Греческия – 2038,

¹⁴ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: Теория и история. – Т. 1. – С. 534–535.

Римския – 1783.

От исхождения иисраильскаго – 3389, от вымышления пороховаго дела – 331, от вымышления книг печатания – 271, от коро[но]вания ево царскаго величества Петра Перваго – 29, от рождения сына его, царевича Алексея – 21, от зачатия флота морскаго росийскаго – 14»¹⁵.

В представленном тексте, в отличие от записей о русско-турецкой войне и восстании под руководством Емельяна Пугачёва, мы видим образец хронологической системы *ex post*. При использовании её в качестве точки отсчёта выбирается значимое событие, произошедшее в прошлом, но при этом важность этого события оценивается исходя из современных автору представлений¹⁶.

В основе данного текста, в отличие от ранее рассмотренных записей, лежит выписка из книги, которую кто-то из Блиновых читал скорее всего в середине XVIII в. Год 1711-й соотнесён в ней с самыми разными событиями в прошлом, вписан одновременно в несколько хронологических систем. Отрывок, включённый в памятник, дошедший до нас, свидетельствует о попытке *читателя книги* установить на оси времени точку, с которой была связана его жизнь, об осознании им, с одной стороны краткости мига человеческого бытия, с другой – относительности счета исторического времени. Важность этой цитаты заключается в том, что хронологическая система, используемая в ней, оказала огромное влияние на формирование темпоральных представлений автора основной части записей – Иова Блинова. Впрочем, не исключено, что она была выписана именно потому, что соответствовала типу мышления Иова или кого-либо другого из семьи Блиновых. Имея в виду, что представления о времени социально и культурно обусловлены¹⁷, следует признать, что уровень культуры человека, сделавшего эту запись, или пожелавшего, чтобы она была зафиксирована в дневнике, был достаточно высок¹⁸.

Большинство записей дневника обезличены, однако среди них всё же есть несколько, позволяющих сделать утверждение о принадлежности того или иного почерка тому или иному человеку. Зная, что Иван был сыном Иова¹⁹, нетрудно установить, что запись на л. 33: «1795-го году построил двор Ивану сыну и отделил его жить там 1796-го году апреля 5-го дня» сделана Иовом Блиновым. Палеографические наблюдения позволяют утверждать, что его рукой написана большая часть записей дневника за период с 1774 до 1825 г.

Иов обладал чётким, несколько тяжеловатым и угловатым почерком. Буквы, написанные им, более вытянуты вверх, чем у человека, создававшего блок наиболее ранних записей. Однако почерк Иова (обозначим его как почерк № 2) явно выработался под влиянием человека, писавшего почерком № 1. У Иова также встречаются архаические буква – «омега» и «и десятиричная», но в отличие от «и десятиричной», употребляемой предшественником, Иов не ставит над ней традиционную точку, а перечёркивает верхнюю часть буквы, «омегу» он не переводит в бук-

¹⁵ В цитате сохранена структура текста.

¹⁶ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: Теория и история. – Т. 1. – С. 518, 534.

¹⁷ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время... – С. 84–85.

¹⁸ Следует признать, что с точки зрения современных представлений историков о хронологии такое отношение к историческому времени является архаичным. Оно было присуще ещё античным авторам. Однако, учитывая общий весьма низкий уровень образования в среде тверского купечества в XVIII в., мы имеем основания считать темпоральные представления И. Блинова достаточно развитыми.

¹⁹ Генеалогическая схема рода Блиновых была построена на основе записей дневника, обывательских книг, ревизских материалов. На этом этапе исследования неоценимую помощь автору оказали директор Государственного архива Тверской области Е.Н. Ефремова и В.Н. Серeda.

ву «т». Очень характерны начерки Иовом букв «к» и «т». У буквы «к» нижняя правая часть спущена ступенькой ниже строки и кончик слегка загнут вверх. Иов использует два варианта написания буквы «т». Один, когда буква имеет три вертикали, перечёркнутые вверху, похож на начерк «т» предшественником, с той только разницей, что у Иова горизонталь не выступает вправо. Вторым вариантом написания этой буквы Иовом делает её похожей на высокий и длинный стяг, возвышающийся над строкой и развивающийся. Буквы «с» и «ч» имеют низко опущенные нижние части, выходящие далеко за строку, при этом хвост «ч» загнут вправо. Титло, поставленное им над датами, – резкое и динамичное, оно чуть возвышается по мере продвижения пера вправо, но не делает петли.

Иов, как и составитель уже рассмотренных более ранних текстов, был исторически ориентированной личностью. Большинство его записей являются образцом хронологической системы *ex post*. Их анализ свидетельствует, что поводом для обращения Иова к дневнику обычно служило событие, максимально приближенное по времени к очередному этапу работы над дневником. Однако, взяв дневник в руки, Иов как бы инплацировал себя в некую иную реальность – уже свершившегося. И в этой реальности память вела его всё дальше вглубь времени от события, ставшего толчком для того, чтобы обратиться к дневнику и зафиксировать это событие в нём. В итоге оказывались описанными, а значит включёнными в историческую память семьи сразу несколько событий.

Иов впервые взял дневник в руки в январе 1774 г., поводом стало рождение сына 27 декабря прошедшего года. Прежде чем сделать запись об этом событии, Иов фиксирует факт своей женитьбы в ноябре 1772 г., тем самым устанавливая причинно-следственную связь событий и располагая их в порядке хронологии на оси времени. Весь этот комплекс событий описан им в январе 1774 г., но под 1772 г. «В 1772 году ноября 11 дня Иев Блинов женился. А женился 20 лет. Сын родился Иван 1773 году месяца генваря (зачёркнуто. – *Н.С.*) декабря 27 дня». Зачёркнутое слово «генваря» и позволяет предположить, что эта комплексная запись, датированная 1772 г., была сделана в январе 1774 г. Однако поток сознания вёл Иова дальше в глубь времён, к воспоминаниям о рождении брата Никифора в 1764 г. Иову было 14 лет, когда родился брат, и событие это, по всей вероятности, произвело на него большое впечатление, стало неким перерывом в череде однообразных будней. Рождение собственного сына стало толчком к осмыслению этого события с позиций взрослого человека, и он счёл необходимым внести это событие десятилетней давности в дневник после сведений о своей женитьбе и рождении собственного сына. В результате в дневнике, в составе записи, сделанной в январе 1763 г., описаны события, датированные автором 1772 и даже 1764 г. Целая серия событий зафиксирована одновременно, одним почерком и одними чернилами. Начерк букв, толщина линий, ритм расположения письменных знаков в строке и расстояние между строками абсолютно выдержаны на протяжении всей записи, включающей в свой состав сообщение о трёх событиях: женитьбе, рождении своего сына и рождении брата почти 10 годами ранее.

В следующий раз Иов взял дневник в руки 25 сентября 1774 г. Поводом стало освещение церкви Никиты Мученика, однако в связи с этим он вспомнил и сначала зафиксировал факт об устройстве нового иконостаса в соборе Белая Троица 10 августа. Вспомнить это не составляло труда, ведь его дом был неподалёку от собора. Подумав, он также вспомнил и о закладке 20 сентября фундамента территориально отдалённой от его места жительства церкви Екатерины Мученицы и за-

свидетельствовал этот факт в дневнике, но уже после записи об освещении церкви Никиты Мученика. Об одномоментности фиксации этих трёх событий позволяют говорить один цвет чернил, которыми сделана запись, один ритм расположения строк и букв и т. д.²⁰

К записям, сделанным Иовом осенью 1774 г., примыкает описание восстания Е. Пугачёва, оно занимает 5 страниц анализируемого памятника, написанного в восьмушку. Автор описывает восстание по хронологии его развития начиная с 1773 г. Оказавшись после записей о событиях 1774 г., описание восстания разбивает хронологическую канву дневника. Но это лишь поверхностное впечатление, возникающее из-за стремления автора показать событие в его развитии.

В основе сообщения лежит какой-то пространный, скорее всего печатный источник официального происхождения, который стал известен автору осень 1774 г. Автор был хорошо информирован о регионе распространения восстания, о его участниках, о жестокостях восставших. «Пугачев – разбойник на низу разбивал гарада, а именно: Казань, Саратов и прочие низовые и железные заводы, и людей казил, и вешал. ... А его сила была такая: все которые ис тюрем выпускал, еще которые поделом были сосланы на заводы золотые и серебряные, те еще которые беглые солдаты и всяких чинов которые худые люди».

Однако заметно, что автор записи знает о восстании не только из официальных источников информации периода восстания. Ему известно, что Пугачёв называл себя «Петром Федоровичем, бывшим государям, которава за худья дела назат тому лет 12 долой с престола сверзли». В его описании Пугачёв, вопреки страшному составу своего войска, предстаёт перед нами как защитник черни, чинивший расправу прежде всего над теми, кто обижает простой народ. Составитель скорее сочувствует тем, кто был наказан за поддержку Пугачёва, чем осуждает их. Жестокости карательного войска описаны не менее подробно, чем жестокости пугачёвцев. Источником подобных сведений, эмоционально окрашенных в отличие от текстов на лл. 1–4, не могли быть газеты или официальные сообщения.

Сравнивая изложение событий на л. 1–4 и описание восстания, нетрудно заметить, что на первых страницах автор или составитель текста является по отношению к описываемым событиям как бы внешним наблюдателем, в то время как в описании бунта он таковым не воспринимается. Эмоциональная сопричастность происходящему создаёт эффект присутствия автора среди описываемых им событий и героев и непосредственного наблюдения за ними. Пугачёвское восстание, описанное автором уже после того, как оно закончилось, не является для него прошлым, оно – самое что ни на есть настоящее, в отличие от событий, освещённых на л. 1–4. Поводом для того, чтобы сделать запись о восстании стало серьёзное эмоциональное впечатление, которое произвело на Иова известие, полученное, по всей вероятности, в октябре. Таким образом, и в данной записи мы имеем пример, когда от настоящего (эмоциональное впечатление от происходящего) нить размышлений тянется в прошлое, неразрывно соединяя их.

К записям, построенным в системе *ex post*, следует отнести и целый ряд других свидетельств, в том числе запись об экзамене в семинарии в 1777 г. Она зафиксирована после целого ряда других известий, относящихся к 1777 г., но при этом, в отличие от них всех, начинается с упоминания события, без которого этот

²⁰ Между записями, сделанными Иовом в первом и втором обращениях к дневнику, вклинивается запись о восстании под руководством Пугачёва.

экзамен был бы не возможен. «В 1776 году взяты ребята в семинарию», – пишет автор, и лишь затем переходит к описанию экзамена: «В 1777 году июня 8-го дня было иксеменоване, то есть слушание в милистрацком зале. Был архиерей Арсений и губернатор Тутумин²¹ Тимофей Иванович и дворян было много. Изрядно обучены, вси похвалили». Эта запись, как, впрочем, и многие другие, сделанные Иовом, говорят о понимании им причинно – следственных связей между событиями и желании отразить на бумаге их последовательность и взаимозависимость. Это стремление выражается в несколько примитивной форме, но, однако, оно свидетельствует о весьма высоком уровне развития у Иова темпоральных представлений.

Эти и другие страницы, написанные Иовом, показывают, что в его сознании сосуществовали «моментное время», в котором возникает мысль, и бесконечное время, о котором можно мыслить²². Интересно, что, размышляя, он наполнял время только теми из прошедших событий, воспоминание о которых было навеяно настоящими, переживаемыми в данный момент настроениями. Прошлое на страницах, написанных Иовом, сливается с настоящим, и граница между ними стирается, происходит интерпретация событий в ключе эмоций, рождённых событиями текущего дня. Элементы интерпретации, выраженные в попытках сопоставления однородных событий, расстановке их на оси времени с одновременной компоновкой материала по тематическому принципу, ощущаются и на лл. 1–4 об. Но большая часть сохранившегося теста первого (или первых) неизвестных авторов беспристрастна, и, главное, она не выдаёт связующих нитей между прошлым и настоящим. В этом заключается основное отличие записей Иова от записей предков, современников и потомков, причастных к составлению данного памятника.

С начала 1774 г., с момента, когда Иов сделал записи о своей женитьбе и рождении сына, записи приобретают дневниковый характер, начинают в целом соответствовать течению времени. Кажущиеся отступления от хронологии в тексте, который составлялся при жизни Иова, вызваны уже продемонстрированными особенностями течения мысли самого Иова либо соединением частей, построенных в разных хронологических системах, что является следствием участия в его ведении нескольких людей. Возможно, что занятия семейным бизнесом часто и надолго отрывали Иова от дома, а записи других людей не только сделаны в иной хронологической системе, но отличаются большей подробностью при освещении событий, да и сама проблематика их записей несколько иная.

Поговорим прежде всего о соседстве в тексте частей, построенных в разных хронологических системах, которое стало возможным из-за участия в ведении дневника разных людей, имеющих различные темпоральные представления.

Записи, сделанные рукой самого Иова, как мы уже говорили, отражают поток его сознания и очень часто ведут от настоящего к прошлому. Они перемежаются с записями, сделанными в других хронологических системах: в одних ведётся отсчёт от прошлого к настоящему, другие включают в свой состав позднейшие приписки, благодаря которым изложение не только идёт от прошлого к настоящему, но и даёт сведения о будущем того или иного человека, здания, явления. Соединение их в одном памятнике стало возможным благодаря тому, что ведение дневника не было делом личным, но являлось делом семейным и всегда находилось под

²¹ Имеется в виду Т.И. Тутолмин, занимавший пост Тверского наместника.

²² Эту мысль Дж. Шэкла цит. по: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время... – С. 87.

контролем кого-то из старших членов семьи.

Совершенно очевидно, что в конце 70–80-х гг. XVIII в. одному из членов семьи было поручено вести предварительные записи о поведении рек Тьмаки и Волги, особенно в периоды становления ледяного покрова и ледохода, а также о погоде. После завершения соответствующего природного цикла первоначальные наброски, сделанные этим человеком, переписывались в дневник. Как следствие, записи на эту тему, в более ранние годы занимавшие не более трёх строк, стали растягиваться на две–три страницы. Нельзя не отметить, что во всех них описание идёт от более отдалённого прошлого к менее отдалённому, оно наполнено мелкими деталями и подробностями, которые едва ли можно было вспомнить по прошествии месяца. Сравним записи 1777 и 1778 гг. Первая принадлежит Иову, она кратко и весьма приблизительно констатирует: «В 1777 году Волга стала ноября дня (день не указан). Того ж году ноября 25-го дня тепло и снег согнала и дорогу испортила». Через год запись полна подробностей, причём очевидны следы переписывания какого-то первоначального текста. Приведу в качестве примера лишь небольшой отрывок. «1778-го года сентября 31-го пошел снег и выпала многа, а октября 1-го зделалась грязь, а третьяго мороз и еще снег и дорога и шорош на Волги шол. Из Москвы на санях приехали. А че 14 пошел дош. ...» Перемены в погоде детально описаны до конца октября, одним и тем же почерком, без смены чернил и пера, что свидетельствует об одномоментном создании этой записи, а значит, о переписывании в конце октября каких-то предварительных заметок. О переписывании текста, причём скорее всего составленного другим человеком, а не тем, кто вписывал сведения о погоде в дневник, ярко свидетельствует оборот «А че 14 пошел дош». Он позволяет говорить, что в первоначальном тексте дата была написана буквами, а переписчик был склонен заменять их цифровыми обозначениями. Иногда он забывал это делать: «третье» (октября. – *Н.С.*) написано словом; при описании перемен погоды 14 и 17-го октября, написав первые слоги слов, обозначающих числа, переписчик текста спохватывался и перешёл на цифры. С подробными сводными записями о погоде и состоянии льда на реках мы встречаемся и в более поздние годы, причём в ряде из них время изменения указано с точностью до часа.

В таких сводных записях о погоде мы встречаемся с использованием той же хронологической системы, что и в записях о войне с Турцией и о восстании Пугачева: описание явления идёт от прошлого к настоящему. Таким образом, можно говорить о некоторой *методологической преемственности текстов*, однако и различие между ними является существенным. При описании войны и восстания автор не стремится к расстановке промежуточных хронологических вех, ограничиваясь отражением хода вещей лишь в самых общих чертах, в то время как описания погоды и состояния рек фиксируют не только факт, но и время перемен с точностью до дня и даже часа.

Очень вероятно, что предварительные записи о погоде делал кто-то из детей Иова, а затем они переписывались взрослыми. Если это так, то мы можем рассматривать дневник как средство достижения воспитательных и образовательных целей: у младших членов семьи формировались навыки письма, темпоральные представления, наблюдательность²³.

²³ Явно выраженная склонность Петра – младшего сына Иова к описанию мелких деталей и подробностей происходящего, хорошо заметная в записях за 1825–1835 г., позволяет предположить, что со-

Записи сводного характера касаются не только погоды и поведения рек, но и других тем. Очень часто они встречаются при описании общественных событий или освещении хода работ по строительству храмов. Но в этих случаях принцип составления записей, сложных по составу, был иным. Они чаще всего не переписывались с ранее сделанных записей, а дополнялись по мере того, как осуществлялись эти работы. Получался комплекс записей, отражающих разновременные события, связанные с одним объектом, которые ведут нас от прошлого не только к настоящему, но даже к будущему. Рассмотрим одну из таких записей. После ноябрьских записей 1785 г. в дневнике идёт сообщение, датированное 10 мая 1786 г., о начале строительства тёплой церкви собора Белой Троицы. В нём подробно описаны все этапы строительства, вплоть до освещения новой постройки 28 ноября 1787 г. (л. 24), после чего снова идут записи 1786 г. За счёт этого вся запись о строительстве тёплой церкви воспринимается как построенная в хронологической системе *en ante*, где настоящее экстраполирует в будущее. При этом запись о строительных работах 1787 г. выглядит как более поздняя приписка, сделанная другими чернилами и, возможно, даже другим почерком. Таких записей в анализируемом памятнике немало, почти все они получают путём позднейших приписок к основному тексту и вполне хорошо видны за счёт разницы в чернилах и почерке.

Имевшее место при жизни Иова соседство в рамках одного памятника записей, выполненных в разных хронологических системах, является одной из причин внешнего хронологического беспорядка текста. Приведём лишь один пример такого соседства. Запись о восстании Пугачёва датирована автором 1773 г. – годом начала восстания, но сделана она была не ранее сентября 1774 г. и потому оказалась в дневнике после записи о начале строительства церкви Екатерины Мученицы 25 сентября 1774 г.²⁴

После смерти Иова в течение десяти последующих лет дневник вёл его младший сын Пётр²⁵. Он не привлекал домашних к его ведению. Лишь однажды сын Яким сделал запись о своей женитьбе (л. 80 об.).

Пётр, в отличие от своего отца, и время и окружающее пространство воспринимал очень дробно. Он описывал события от более отдалённого прошлого к менее отдалённому, наполняя его изображением мельчайших деталей происходящего. В отличие от Иова Петр был склонен к фиксации внешней стороны событий. Описание процедуры прощания с телом покойного императора Александра Павловича занимает 9 страниц (л. 71 об.–76) и содержит сведения о качестве парчи, цвете бархата, использованного при оформлении постаментов для гроба, и других деталях. Вот как он описывает украшение траурного балдахина, используя слово балдахин в женском роде. «Убрана была малиновым бархатом, покрыта и колоны тем обтянуты бархатом. По верху была убрана золотыми звездами, золотыми пасами, подвесы были бархатные, шнур и кисти – золотые». Описания осуществляемых ритуалов и всей церемонии в целом даны очень детально. Он так описывает начало дня, когда гроб императора вывозили из города: «На другой день, отслужив панихиду, вынесли из собора и поставили опять на возила, прочитали литию и,

---

ставителем подробнейших записей о погоде в 1880-е годы был именно он, но в анализируемый нами памятник они вписаны не его рукой.

²⁴ В конце записи есть слова: «А эта была (казнь одного из помощников Пугачева. – *Н.С.*) 1774 году сентября месяца» (л. 7 об.).

²⁵ Старший сын Иван был отделён ещё при жизни отца.

покропя святой водой, повезли народом опять. У Трех исповедников была лития, потом у Вознесения, потом у Филипа – Апостола и везли народом за Питербургскую заставу полверсты ...».

С такими же деталями и подробностями пишет Пётр о военных действиях русских войск в 1828 г. в ходе русско-турецкой войны. Он точно передаёт хронологию развития событий, сведения о количестве захваченного хлеба, пороха, пленных, что свидетельствует о его знакомстве с текстами официальных изданий.

Описывая события периода эпидемии холеры 1830–1831 гг., Пётр самым подробным образом фиксирует меры предосторожности, используемые для предотвращения распространения эпидемии и особенно детально – крестные ходы. Приведём лишь небольшой отрывок описания одного из них. «И выносимы были мощи ис собора Благовернава князя Михаила и насимы были круг гарада и была водоосвещение противу собора. После освещения и пошли кресты, мощи понесли угодники божия на Волгу и шли берегом до Тихвинской часовни. Сперва, вышед на Волгу, была лития, потом вторая, у часовни, и шли берегом по Волги до устья Тверцы...»

Пётр обращался к дневнику часто, по всей вероятности, сказывалась привитая в детстве дневниковая культура, а возможно интерес к процессу ведения дневника. Его, как и отца, интересуют события не только частной жизни, но и города в целом, приезды в Тверь членов императорского дома, а также внешняя политика, особенно войны. Хронологическая канва изложения в то десятилетие, когда дневник вёл Пётр, соответствует дневниковым записям.

Начиная с 1835 г., сразу после смерти Петра, в ведении дневника происходят серьёзные перемены. Прежде всего, сужается географическое пространство, отражаемое исследуемым памятником. С этого времени он приобретает черты семейной хроники. С его страниц исчезают сведения даже о жизни города, не говоря уже о жизни страны в целом. Основным автором и человеком, направлявшим процесс ведения дневника, некоторое время являлась Ксения – вторая жена Петра, но и после её смерти авторов записей интересует по преимуществу жизнь двух основных ветвей потомков младшего сына Иова Блинова: детей от первого и детей от второго брака Петра, да и то не всех, а лишь тех, кто живет в одном дворе, доставшемся по наследству от Иова. Таким образом, параметры описываемого пространства существенно меняются, однако сказать, что они ограничиваются, – значит существенно упростить суть дела. Анализируемый дневник отражает процесс эмансипации женщин в России: предметом описания теперь являются не только потомки Петра Блинова, но также жизнь родственников Ксении – семейства Куровых. Однако всё то, что происходит за пределами весьма узкого круга некоторых членов этих родственных групп, не находит отражения на страницах памятника. После смерти Петра существенно меняются структура и концепция ведения дневника. Если ранее, при всех имеющихся отступлениях, в памятнике прослеживалась единая хронологическая линия, то с 1835 г. появляется вторая, а с конца 1840 – начала 1850-х гг. ещё несколько.

Мы уже говорили, что последние страницы семейной летописи выполняли роль записной книжки. Такое их предназначение было запланировано изначально, именно такую функцию выполняли листы, где помещены сведения о лечебных растениях, мудрые изречения и др. Ещё более отчётливо напоминает записную книжку характер записей на л. 149 об.–150 об. Первая из них, сделанная рукой старшего сына Петра Якима, сообщает: «1835-го года мая 24-го одана лафка по-

сли покойного батюшки Петру Михайлачу Никифараву²⁶ за 100 руб.». Следующие две страницы фиксируют факты выплаты годовой арендной платы до 1851 г. включительно, но сделаны они не Якимом²⁷. Записи располагаются по хронологии, большинство из них точно датировано: указаны не только год, но месяц и число, когда внесены деньги. Комплекс этих записей образует второй хронологический ряд событий, отражённых исследуемым памятником. Среди записей о выплате денег есть сведения об отдаче Ильи «к Решетову в мальчики» в 1840 г., Николая – «в люди» в 1841 г. В последующем для послужного списка детей Петра от второго брака решили отвести самостоятельную страницу, причём впереди (л. 148 об.) и она постепенно, по мере взросления детей, дополнялась сведениями об их перемещении от одного горожанина к другому, образуя третий хронологический ряд.

Ещё одна причина встречающихся нарушений хронологии в дневнике связана с изменением концепции его ведения примерно в конце 40-х – начале 50-х гг. XIX в. С этого времени члены семьи Блиновых, участвующие в его ведении, стали распределять сведения о семейных событиях с учётом двух обстоятельств: рода события (помолвки, свадьбы; рождения, крестины; смерти) и принадлежности их к жизни представителей той или иной ветви рода. В итоге л. 94 содержит записи о помолвках и свадьбах в семье Якима Блинова – внука Иова и сына Петра Блинова от первого брака, а на л. 94 об. и 95 сообщаются данные о сватовстве и женитьбе другого сына Петра, Ильи Петровича, рождённого от второго его брака – с Ксенией Куровой. На л. 147–147 об. зафиксированы события о смерти, причём и в этом случае на одной из этих страниц отражены сведения о смерти членов семейства Куровых – родственников Блиновых по второму браку Петра, на следующей – о смерти потомков Петра от его первого брака. На л. 104 записаны сведения о рождении детей у Елизаветы Боговой, внучки Петра от первого брака, а на л. 120–121 об. – о рождении детей у Ивана и Козьмы Куровых.

Общая канва текста на л. 94–95 выглядит следующим образом: «1851-й год, октября у брата Якима Петровича отдавал дочь замуж, Елизавету Якимовну. Был сговор октября 22-го числа, а свадьба ноября 11-го дня. Отроду лет 21.

1862-го года октября 18-го дня был сговор у Якима Петрова у Блинова. Отдавал дочь замуж Анну Якимовну за Ветошкина. Была свадьба ноября 11-го дня. Отроду лет Анне 27 лет.

1854-го года февраля 4-го числа сосватал Илья Питровиц зупцовку Анну Иванову Некрасову, лет ея 24 года. За нию взято денги 475 ...»

Сведения о свадьбе Ильи сменяются известиями о рождении у него детей, о женитьбе сына в 1890 г. и о замужестве дочери Авдотьи в 1893 г., после чего идёт известие о смерти Ильи в 1891 г. и его жены в 1894 г. Как видим, именной принцип – Илья и его семья – вполне выдержан. Выдержан и принцип разделения событий по содержанию: свидетельство о смерти Ильи Петровича, казалось бы нарушающее хронологическую канву, сделано с нового листа, составитель семейной летописи пытался отделить сведения о смертях от событий – антагонистов, символизировавших жизнь и продолжение рода. Позднейшее по отношению к смерти Ильи событие – замужество Авдотьи – было зафиксировано там, где ему полагалось находиться в соответствии с основной на тот период концепцией ведения се-

²⁶ Брату первой жены Петра.

²⁷ Часть записей сделана рукой Ксении.

мейной летописи: после записи о женитьбе её брата. Как видим, нарушения хронологии в этом отрывке связаны с попыткой систематизации материала в соответствии с этой новой концепцией, где на первый план выходит родство и тематика событий. Такой подход напоминает систематизацию материала на лл. 1–4, где также ощущается деление событий по темам, но пространственные параметры описываемых событий сужаются, а тематика становится просто противоположной: на первых листах не было ни одной записи частного характера, в анализируемой части дневника только они и присутствуют.

Эта часть дневника продолжает традицию Иова на отражение частной жизни, но при новом подходе, сложившемся в середине XIX в., первая часть памятника теряет имевшийся при Иове единый хронологический стержень, который объединял описываемые события семейной жизни с событиями жизни города и страны. Благодаря такому подходу пространство и время воспринимались если не как бесконечные, то как имеющие громадные рамки. С рубежа 1840–50-х гг. дневник отражает несколько потоков времени и два маленьких пространства, заполненных событиями жизни потомков Петра от первого брака и потомков Петра от второго брака. Иногда они соприкасаются, иногда выходят за рамки своей маленькой семьи и сообщают сведения о жизни других родственников, но в целом они гораздо более замкнуты, чем пространство и время у Иова и даже Петра.

Подводя итоги, следует сказать, что вплоть до смерти Петра Иовича Блинова (1835 г.) соблюдались положения концепции ведения дневника, сформулированные на первом этапе. Первоначальный замысел предполагал внесение записей в первом разделе в хронологической последовательности событий рамках каждой из намеченных тем: чрезвычайные события, строительство церквей и др., что сближает эту часть памятника с произведениями мемуарного жанра. С 1774 г. записи приобретают дневниковый характер, соответствуют прежде всего течению времени. Сложность и впечатление хронологической путаницы в записях, сделанных в первой части книги при жизни Иова, является следствием, во-первых, активного привлечения членов родственного клана к ведению записей, во-вторых, высоко развитыми темпоральными представлениями самого Иова. Внутренняя структура его записей выдаёт внутреннюю потребность автора к мемуарным формам изложения: записи Иова связывают настоящее с прошлым, свидетельствуют о его стремлении вникнуть в суть и причины происходящего, т. е. о достаточно высоком уровне его исторического сознания.

Наличие в дневнике в этот период записей сводного характера с экстраполяцией в будущее свидетельствует о неоднократном возвращении Иова к тексту дневника, опять-таки о попытках, может быть не вполне осознанных, превратить дневник в произведение мемуарного жанра. Уровень темпоральных представлений, стоящий за такими записями, ещё более чем записи, выполненные в системе *ex post*, выходит за рамки обыденных представлений о времени той социальной группы, к которой принадлежала семья Блиновых. Записи, где настоящее экстраполируется в будущее, позволяют говорить, что темпоральные представления Иова соответствуют Новому времени, когда настоящее, обусловленное прошлым, начинает восприниматься как переход к будущему.

Благодаря Иову дневниковая культура вполне прижилась в рамках провинциальной купеческой семьи. Более того, в записях на лл. 1–4 и принадлежащих Иову, видны признаки эволюции текста: в нём проявляются элементы мемуарного жанра. Но уже начиная с 1825 г. – года смерти Иова в дневниковые записях нет свя-

зующих нитей между настоящим, прошлым и тем более будущим, некоторые исключения делают правило лишь более заметным. Темпоральные представления членов семьи упрощаются, сужается пространство их жизненных интересов. В записях Петра, сына Иова, ещё видны наблюдательность и желание отразить не только факты семейной жизни, но и родного города, страны в целом. При этом тщательная фиксация последовательности эпизодов события и деталей описываемых церемоний не совмещается у него с элементами анализа происходящего; зафиксированные им события, будучи расставлены на оси времени, остаются при этом не вполне вписанными в исторический контекст.

В период со смерти Петра в 1835 г. и до смерти Ксении произошла смена концепции ведения дневника, что косвенно свидетельствует о семейных противоречиях. Потомки Петра от разных браков фиксируют историю рождений и смертей членов своих семей на разных страницах, это приводит к появлению параллельных хронологических рядов, нарушениям последовательности изложения и усугубляет впечатление хронологического хаоса. Исчезает самое ценное, что было в записях периода жизни Иова – единый хронологический стержень повествования, вокруг которого концентрировались записи о событиях не только семьи, но города и страны в целом, благодаря чему история рода и жизнь каждого человека оказывались вписанными в исторический контекст.

По записям этого периода трудно восстановить даже хронологию жизни одной ветви рода. События одного тематическо-хронологического ряда не связываются с событиями другого, тем более не соприкасаются с историей города, страны. Исчезает описание, остается лишь констатация фактов смертей, рождений, свадеб. Пространство, нашедшее отражение в записях этого периода, ограничивается рамками семьи. Ни погода, ни поведение небесных светил, ни благоустройство города не побуждают Блиновых к дневниковым записям. При этом начинают активно заполняться последние страницы дневника. Там изначально предполагались записи на память, но сам характер записей, сделанных в этот период, свидетельствует об ограниченности мировосприятия у потомков купца-философа: они напоминают приходную часть бухгалтерской книги.

Всё это позволяет говорить, что у представителей поколений рода Блиновых середины XIX в. и второй его половины представления о времени и пространстве развиты в гораздо меньшей степени, чем у их предков. Дневниковые записи этого периода не только не претендуют на мемуарный жанр, что, несомненно, имело место на лл. 1–4 и в записях Иова, но даже и дневником названы быть не могут. Это, скорее, книга для записи на память: чтобы помнить дни рождений и дни памяти, учитывать выдачу денег в долг и факты возвращения долга и т. д.

Таким образом, семейная летопись, отразившая огромный хронологический отрезок жизни родственного клана, являет собой образец не развития темпоральных и пространственных представлений семьи, что было бы более естественным, а их деградацию от высокоразвитых, соответствующих эпохе Нового времени, до весьма примитивных.

N.V. Sereda

**CONCEPTUALIZING TIME AND SPACE: THE DIARY OF THE BLINOVS OF
TVER**

Summary

The article examines the text of the diary which had been kept by the Blinov family for more than 100 years (1762–1896). Three generations of the Blinovs were making notes in the diary. Representatives of each generation described the events they witnessed in their own way. At the same time spatial borders of the world they described had been also constantly changing.

The analysis of the text allows us to argue that the descendants of the Blinovs in the middle and second half of the 19th century had much less developed ideas of time and space than their ancestors. In contrast with the notes of Iov Blinov, the compiler of the text on the first pages of this literary monument, the notes of the later period betray no pretence to the genre of memoirs.